

Октября 16 (29)

Священномученик
Алексий Никонов

Священномученик Алексей родился 15 октября 1881 года в Москве. Отец его Михаил Никонов работал землемером. В 1902 году Алексей Михайлович окончил Московское коммерческое училище и с 1903 года служил в армии. В 1905 году Алексей Никонов оставил службу и поступил в Московскую Духовную академию, которую окончил в 1910 году.

С 1911 по 1914 год Алексей Михайлович был учителем в городе Данкове Рязанской губернии. С началом Первой мировой войны он был призван в армию и служил в Могилевской губернии прапорщиком в 11-ой Сибирской стрелковой дивизии 43-го Сибирского стрелкового полка. В 1917 году его перевели в 712-й полк, который располагался в Пинских болотах.

С декабря 1917 года по июль 1918 года Алексей Никонов командовал взводом караульной роты в городе Данкове и был помощником военного руководителя. С 1918 года Алексей Михайлович возобновил учительскую деятельность. В 1921 году он стал псаломщиком и через год, в конце августа 1922 года, был рукоположен во священника и служил в Успенской церкви подмосковного города Клин.

В мае 1922 года возник обновленческий раскол. Епископ Клинский Иннокентий (Летяев) признал незаконное обновленческое ВЦУ и тем самым уклонился в раскол. На его место Патриархом Тихоном был назначен епископ Гавриил, который выступил против раскола и антицерковной деятельности его представителей. В этом ему помогал благочинный города Клин священник Алексей Воробьев. Священник Алексей Никонов вместе со священником Алексием Воробьевым были арестованы 26 сентября 1924 года по обвинению в том, что они «без разрешения местной власти устроили в церкви города Клина собрание верующих, на котором произносили агитационные речи о гонении советской властью православия».

2 октября 1924 года родственники арестованных принесли заключенным передачу с запиской, в которой они писали: «Дорогие батюшки, отцы Алексии! Шлем все вам привет. Передаем одному отцу, Воробьеву: две пары белья, теплую рубашку, носки и портянки, а другому – две пары белья, одни теплые чулки, а другие холодные. Белье грязное смените и вышлите сейчас же нам, а также ненужную вам посуду (разумеется, пообедайте, и мы обождем). Пищу посылаем обоим общую, что можем. Не унывайте, Бог даст, скоро выпустят. Все кланяются. Хорошо бы вы были вместе, все веселей. Еще посылаем две открытки, напишите, где будете, дабы нам знать, куда приехать и вам привезти поесть. Не знаем, можно ли вам с собой взять деньги. Вы узнайте. Еще посылаем молитвенник, если таковой разрешат иметь при себе».

16 октября отец Алексей Никонов был вызван на допрос.

– Скажите, гражданин Никонов, принимали ли вы участие в нелегальном собрании, устроенном по инициативе гражданина Воробьева? – спросил следователь.

– Собрания такого не было, а священник Воробьев, созвав священника Успенского, диакона Щедрова и председателя церковного совета Еремеева,

объявил им и случайно собравшемуся народу, что собрания как такового нет, а будет объявление резолюции епископа Гавриила, – ответил священник.

– Что заставило вас распространять провокационные слухи о связи ВЦУ с ОГПУ и советской властью?

– Таких слухов я не распространял.

До вынесения приговора отец Алексей находился в Бутырской тюрьме в Москве. Поскольку вины священников следствие доказать не могло, их держали несколько месяцев в тюрьме не допрашивая. 27 февраля 1925 года Особое Собрание при Коллегии ОГПУ приговорило священника Алексея Никонова к высылке в Нарымский край на два года.

После отбытия срока ссылки отцу Алексею было три года запрещено проживать в шести крупных областях страны. Отец Алексей поселился в селе Спас-Дощатый Зарайского района Московской области и стал служить здесь в Преображенском храме, стараясь строго исполнять богослужебный устав, во всем проявляя себя преданным пастырем Церкви Христовой.

Некий коммунист написал уполномоченному ОГПУ заявление, в котором просил «принять срочные меры для выяснения личности священника села Спас-Дощатый, который работает около двух лет в церкви попом, ведет контрреволюционную работу. Главным образом обрабатывает молодежь, рассказывает проповеди каждую службу, не по одной, а по две или по три проповеди... Я, как человек партийный, заявляю, что необходимо принять срочные меры о высылке его».

По обвинению в антисоветской деятельности отец Алексей в феврале 1930 года был арестован и заключен в Зарайском административном отделе. 10 февраля священника допросили. На вопросы следователя он ответил: «В проповедях против советской власти не выступал, говорил в отношении духа неверия, что если человек не верит, то жизнь сама обязательно приведет его к вере, но, однако, советской власти не касался. В проповедях я говорил, что в школах детей учат читать и писать, а дома верующие могут учить Закону Божьему. Против коллективизации я никогда не выступал, и это не мое дело. Виновным себя в антисоветской агитации не признаю. Могу добавить, что я болен туберкулезом легких с утратой восьмидесяти процентов трудоспособности, на что имеется свидетельство».

На основании свидетельских показаний было составлено обвинительное заключение, в котором вина священника была сформулирована так: «...В 1927 году, получив должность в церкви при селе Спас-Дощатый, снова повел контрреволюционную агитацию среди населения путем частых выступлений с проповедями, в которых внушал верующим, что религия жива и непобедима и будет существовать до скончания века, несмотря на гонение со стороны власти и безбожников-коммунистов. До приезда Никонова в село церковь своего лица не имела, служба совершалась только по праздникам, верующие почти не ходили. С приездом же Никонова церковь оживилась, богослужение совершалось каждый день утром и вечером с продолжительностью 4–7 часов, а также частые произнесения проповедей привлекали много верующих и в особенности женщин, не только старух, но и молодых. Никонову удалось организовать хор, куда входили преимущественно женщины и дети несовершеннолетних лет. Кроме призыва верующих к защите религии, Никонов старался запугивать верующих и такими моментами: “аборты делать большой грех. Советская власть позволяет убивать детей, чего никогда не было, это делают только безбожники-большевики.

Гражданские брак и похороны – это временная стихия, придет время, буря стихнет, православная вера будет на своей высоте”... В одну из проповедей в конце 1929 года призывал верующих помочь ему в уплате налога, ходил сам по домам своего прихода, собирал деньги и распространял контрреволюционные слухи».

Прокурор Коломенского округа, которому дело было послано на утверждение, вернул его, посчитав, что «оснований к привлечению священника Никонова к ответственности собрано недостаточно, так как показания свидетелей... не могут служить основанием для привлечения к ответственности по статье 58/10, а посему полагал бы: дело производством прекратить и Никонова из-под стражи отпустить».

Старший уполномоченный Коломенского окружного отдела ОГПУ Чесноков, ввиду вынесенного прокурором заключения о прекращении дела, решил направить его на рассмотрение тройки ОГПУ. 30 апреля 1930 года на заседании тройки было принято решение зачесть отцу Алексию в наказание срок предварительного заключения и из-под стражи освободить.

После освобождения отец Алексей продолжал служить в Преображенском храме. С августа по ноябрь 1936 года Московским управлением НКВД были арестованы несколько священников и мирян. Среди них был и отец Алексей, которого арестовали 25 сентября 1936 года. Власти обвинили его в том, что он «среди населения ведет контрреволюционную агитацию против существующего строя советской власти. В проповедях... в церкви среди верующих заявил: юношам, девицам и детям у нас в стране не дают возможности свободно посещать церковь, советская власть делает гонение на верующих. Среди духовенства делал призывы к тому, чтобы все себя вели мужественно в случае, если придется пострадать за веру».

26 сентября отец Алексей был допрошен в Зарайске.

– Где, когда и при каких обстоятельствах вы познакомились с Федором Поздеевским и Поликарпом Соловьевым?

– С архиепископом Феодором (Поздеевским) я знаком с 1909 года в бытность его ректорства в Московской Духовной академии. После, в 1917 и 1918 годах, я с ним встречался в Даниловском монастыре, где он был настоятелем, и в 1933 году я встречался с ним в городе Зарайске у своей тещи... у которой он проживал на квартире. С архимандритом Поликарпом (Соловьевым) знаком по совместной учебе в Московской Духовной академии, и с того времени я с ним встречался до ареста, то есть до 1924 года. После освобождения я с ним встречался с 1932 года по день его отъезда из Зарайска, до начала 1936 года... Мои встречи с архиепископом Феодором продолжались до его ареста, то есть до 3 ноября 1934 года... При наших встречах с архиепископом Феодором и архимандритом Поликарпом возникали беседы на тему церковной жизни дореволюционного периода и после, при существующем строе советской власти, и главным образом касались вопроса закрытия духовных учебных заведений, разгона и закрытия монастырей и уменьшения числа верующих.

Через некоторое время отец Алексей был переведен в Бутырскую тюрьму в Москве. 9 декабря его допросил следователь Булыжников.

– Кто из попов принимал участие в обсуждении дополнений к проекту новой конституции?

– В обсуждении дополнений к проекту новой конституции принимали участие священники Иван Смирнов, Петр Соловьев и я, Никонов.

– Кто является автором контрреволюционной рукописи «Дополнение к проекту новой конституции»?

– Автором рукописи являюсь я. Написал я ее по своему собственному убеждению.

– Изложите содержание вашей рукописи «Дополнение к проекту новой конституции».

– Я в своей рукописи в качестве дополнения к проекту новой конституции выдвигал вопрос об изменении статьи 124, по которой сохраняется свобода антирелигиозной пропаганды за всеми гражданами. Я предлагал статью 124 дополнить в том смысле, чтобы нам, служителям культа, по новой конституции была представлена полная свобода религиозной пропаганды, как в церкви, так и вне ее. Устройство религиозных бесед в домах и общественных местах, религиозная пропаганда за всеми гражданами в общественных местах и в домах верующих также должны быть подтверждены новой конституцией. Выдвигал я и другие вопросы: об оживлении церковной деятельности, об ограждении церковной жизни от административного вмешательства местных сельсоветов и райсоветов, сосредоточив все это в руках верховной власти. Это все я хотел сделать через Синод легальным порядком.

– Признаете ли вы себя виновным в предъявленном обвинении?

– Виновным себя в предъявленном мне обвинении не признаю.

20 января 1937 года Особое Совещание при НКВД приговорило отца Алексея к заключению в исправительно-трудовой лагерь сроком на пять лет.

Священник Алексей Никонов был отправлен этапом в Севжелдорлаг и, находясь в заключении, скончался 29 октября 1938 года. Тело отца Алексея было погребено на отведенном кладбище поселка Кылтово Княжпогостского района Коми области на расстоянии от поселка 2,5 километра на юг.

Протоиерей Максим Максимов

Библиография

«Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии. Дополнительный том 3». Тверь, 2005 год, стр. 142-148.